

О романе Фиеста Эрнеста Хемингуэя

Томас Эйтон

Зачем топтать мою любовь?
Её и так почти не стало.
Я разбиваю руки в кровь,
Я не сошёл с ума, так надо!

Зачем топтать мою любовь
Сергей Бобунец

Фиеста — идеальный роман. Определим составляющие успеха книги: много действующих лиц и среди них настоящие джентльмены, познавшие жизнь и слегка разочарованные ею иммигранты, которых никто не понимает, обилие диалогов и действия, искренность путевых заметок, многогранность любви, бокс, точность и истинно испанская страстность корриды, прохлада старинных церквей в жаркие дни, горе неизлечимой болезни, и тяжесть ночного одиночества, сидение на кровати, и трагизм, сумасшествие и вседозволенность праздничного марафона, открытые автомобили, и рядом у горизонта или где-то в воздухе море:

Мы выехали на дорогу и отправились вдоль побережья. Там была зелень мысов, белые виллы с красными крышами, лоскутами леса, и океаном очень синим с отливом и водой пенящейся далеко от пляжа. Мы проехали через Сен-Жан-де-Люз и мимо прибрежных деревень. Позади холмистой местности, через которую мы ехали, мы видели горы, которые мы пересекли, на пути из Памплоны. Дорога шла дальше вперёд. Билл посмотрел на часы. Наступило время возвращаться. Он постучал по стеклу и попросил водителя развернуться. Водитель сдал машину назад, выехав на траву чтобы повернуть. Позади нас были леса, внизу полоса лугов, и потом море¹.

Эта книга успешна не потому, что она написана в эпоху джаза и не потому, что в ней мы видим представителей потерянного поколения. Фиеста — первый роман Хемингуэя. Благодаря обширной журналистской практике в нём мало исканий. Автор знает, о чём он пишет и что он хочет сказать. Как и большинство первых романов Фиеста автобиографична. Это история небольшой группы друзей, выходцев из Америки и Великобритании, покинувших родину и живущих в Париже. Книга делится на три неравных части: журналистские будни в Париже, путешествие на фиесту в Памплону, составляющее основную часть романа, которая может рассматриваться и как повествование об особенно запомнившемся лете, проведённом с друзьями, короткий эпилог, в котором действие происходит на границе между Францией и Испанией. В этот момент главный герой тоже находится на границе лета, на границе праздника и обыденности, и главное на границе любви. Ещё несколько шагов и может быть ему удастся заглушить своё бедное разбитое сердце.

Хемингуэй избрал не описывать героев, он не рассказывает об их внешнем виде и об их поведении. Об этом читатель узнаёт из диалогов. Повествование ведётся от лица главного героя американского журналиста и писателя, Джейка Барнса. Популярность романа не возможна без обилия и колоритности других героев. Роберт Кон — худощавый еврей, конечно выпускник Принстона, конечно закомплексованный, и поэтому боксёр, всё ещё одевающийся как студент, и тоже писатель. Неудачник в любовных отношениях, терпеливо сносящий унижения от женщин ему близких, немного угловатый в своей манере держаться и говорить, словно баскетболист вынужденный постоянно нагибаться при входе в двери.

Весельчак и пьяница Билл Гортон, ещё один американец и ещё один писатель, увлекающийся боксёрскими поединками и женщинами. Билл сетует на поступок Бретт:

¹В тексте эссе использованы цитаты из романа Фиеста (И восходит солнце) Эрнеста Хемингуэя публикуемые по изданию Ernest Miller Hemingway. *The Essential Hemingway*. Arrow Books, The Random House Group Limited, 20 Vauxhall Bridge Road, London, SW1V 2SA, 2004. ISBN: 9780099339311. Перевод с английского на русский язык Томаса Эйтона.

«Какие необъяснимые глупости делают люди. Почему она не уехала с кем-нибудь из своих друзей? Например, с тобой?» — он опустил эту тему — «или со мной? Да, почему не со мной?» Он внимательно осмотрел своё лицо в зеркале, положил крупный мазок пены на каждую скулу. «Это честное лицо. Лицо с которым любая женщина могла бы чувствовать себя в безопасности».

«Она никогда его не видела».

«А ей бы не помешало. Каждая женщина должна увидеть это лицо. Это лицо должно быть напечатано на каждом плакате в стране. Каждой женщине нужно вручать копию этого лица, когда она покидает алтарь. Матери должны рассказывать дочерям об этом лице. Сын мой» — он наставил на меня свою бритву — «иди на запад и возмужай вместе с этой страной».

Леди Бретт Эшли, необыкновенно красивая *femme fatale*, в которую поминутно влюбляются мужчины, включая всех главных героев. Но в ней надрыв, неисправность. Кажется нужно только правильно поддеть пинцетом, и все пружины заработают ладно. В чём её слабость: несчастный брак, разочарованность в высшем обществе, лёгкость успеха у мужчин, слагающих перед ней свои копыя, неблагоприятная среда или психологическая травма оставшаяся со времён войны? Одобряет ли читатель её поведение, её метания, её поступки? Пусть решит сам читатель.

Майк Кэмпбелл, жених Бретт, славный и добрый шотландец, честный, горячий на язык, неизменный банкрот, которого знают в любом более или менее крупном городе на французско—испанской ривьере.

Джейк любит Бретт. Бретт любит Джейка. Они не могут быть вместе. Джейк страдает от мужской болезни. Бретт ищет счастья на стороне. Разве так важны плотские отношения? На это ответит читатель.

Любовь Джейка проходит тонкой нитью через всё произведение. Но он никому не рассказывает о своей любви. Мужчины предпочитают не распространяться о своих чувствах. Они страдают в одиночестве. Джейк много размышляет о своей болезни, он не спит, он ненавидит Бретт за её поведение, но не может не любить её.

Его любовь всеобъемлюща и всепрощающа. Чувство Джейка гораздо выше юношеского любовного восхищения Кона, сильнее страданий ревности Майка и даже глубже пылающей и элегантно любви Педро Ромеро. Тройная вероника, полувероника. Даже с головной болью и после бессонной ночи Джейк держит слово. Он сделает, что обещал. Вот только выпьет крепкий кофе и пролистает утренние газеты. Он хорошо выглядит и редко торопится. Настоящий мужчина разбирается в напитках и еде, он любит рыбалку, путешествия, спорт, хорошую литературу, своих друзей, и конечно превыше всего он ценит настоящих женщин. Настоящие мужчины останавливаются в комфортных отелях и свободно говорят на нескольких языках. Настоящий мужчина немногословен и умеет себя вести в любом обществе. Иногда он может напиться. Но даже сильно пьян и сильно болен, его бойцовский дух не сломлен и его вера в себя и целеустремлённость всегда с ним. Стоит ли быть таким мужчиной? Стоит ли быть с таким женщиной? На это ответит читатель.

Джейк разбирается в спорте, он ревностный поклонник боя быков. Он состоит в негласном и незримом братстве фанатов:

Мы часто разговаривали о быках и матадорах. Я останавливался у Монтойи несколько лет подряд. Мы никогда не говорили подолгу за раз. Нашим маленьким удовольствием было узнать, что каждый из нас чувствовал. Мужчины приходили из далёких городов, и прежде чем покинуть Памплону, останавливались на несколько минут у Монтойи и разговаривали с ним о быках. Эти мужчины были *aficionados*. Настоящие *aficionados* всегда могли получить номер, даже когда отель был полон. Монтойя представлял меня некоторым из них. Они всегда были очень вежливы, и их очень развлекало, то что я был американцем. Почему-то считалось, что американец не может испытывать *afición*. Он мог его симулировать или путать с возбуждением, но он не мог переживать его по-настоящему. Когда они видели, что я обладал *afición*, и не было пароля, не было особых вопросов, которые могли это выявить, скорее это был устный экзамен с вопросами слегка сдержанными и никогда очевидными, в конце они стеснительно клали руку мне на плечо или говорили «*Vueo hombre*». Но почти всегда было именно прикосновение. Казалось, будто они хотели дотронуться до тебя, чтобы убедиться наверняка.

Джейк делится знаниями о корриде с Бретт. Он подробно объясняет ей как смотреть, на что обратить внимание и в какой момент лучше отвернуться. Сколько любви в его рассказе! Как ещё может он показать свою любовь? Сколько раз читатель был на его месте?

Многое знает Джейк о корриде. Он знает, как губительны для молодых матадоров женщины вроде Бретт. Но несмотря ни на что он представляет Ромеро Бретт. Джейк потеряет свое особое место в братстве, но ему уже всё равно. Безразличие и вседозволенность любви. Вероятно, он больше

не приедет в Памплону. Владелец отеля Монтойя теперь только кивает при встрече, он больше не улыбается и не знакомит Джейка со знаменитыми матадорами.

Хемингуэй выводит Монтойю тихо, также незаметно уезжает Ромеро, но Кон уходит со скандалом, с кулачным боем, со звоном в голове и неизбежными мольбами о прощении и рукопожатии. Это же Роберт Кон! Медленно бредёт через площадь Джейк после драки с Коном, он немного пьян, и его костюм измят:

Всё выглядело новым и изменившимся, когда я шёл через площадь к отелю. Я никогда раньше не замечал деревьев. Я никогда раньше не видел ни флагштоков, ни фасада театра. Всё выглядело по-другому. Я чувствовал себя также, как однажды чувствовал возвращаясь домой после загородного футбольного матча. Я нёс сумку со своей футбольной формой, и я шёл по улице от станции в город, в котором я прожил всю свою жизнь, и всё выглядело по-новому. Они сгребали с газонов листья и жгли их на дороге, и я долго стоял и смотрел. Всё было так странно. Потом я пошёл дальше, и мои ноги казались очень далёкими, и казалось, что всё происходит вдалеке, и я слышал звук своих шагов издали. Меня ударили по голове в начале игры. Таким же я пересекал площадь. Таким же я поднимался по лестнице в отеле. Подъём по лестнице занял много времени, и у меня было такое чувство будто я нёс свою сумку.

Ромеро выигрывающий неравный бой с Коном, непоколебимый Ромеро. Настоящий мужчина выходит победителем в драке даже оказавшись избитым и брошенным на пол:

«Вроде бы мальчишка-матадор сидел на кровати. Его сбивали с ног уже пятнадцать раз, но он хотел драться ещё. Бретт держала его, не давая ему подняться. Он был очень слаб, но Бретт не могла его удерживать, и он встал. Тогда Кон сказал, что не сможет ударить его снова. Сказал, что просто не может этого сделать. Сказал, это было бы отвратительно. Тогда парень-матадор шатаясь опёрся на него. Кон отступил к стене».

« „Так ты не ударишь меня“?»

« „Нет“, сказал Кон, „Мне было бы стыдно“.

«Тогда парень-матадор бьёт его изо всех сил в лицо и садится на пол. Он больше не мог подняться, рассказывала Бретт. Кон хотел взять его и отнести на кровать. Но он сказал, если Кон поможет ему, он его убьёт, он всё равно убьёт его утром, если Кон не уберётся из города. Кон плакал, и Бретт кричала на него, и он хотел пожать всем руки. Но я уже рассказывал тебе это».

Прирождённый матадор Педро Ромеро ещё совсем молод. Он великолепен на ринге, шёпотом он заколдовывает быков перед тем как нанести смертельный удар. Тихий зов, пыль на сапогах, напряжённый взгляд и вот сабля торчит в холке, между позвонков, бык медленно оседает на землю, безжизненно высунутый язык. На ринге Ромеро поглощён боем, он не смотрит на Бретт, не ищет её одобрения, хотя и убивает этого быка для неё. Как часто читатель торопливо взглядывал на свою возлюбленную после удачной шутки?

В Педро Ромеро было величие. Он любил корриду, и я думаю он любил быков, и я думаю он любил Бретт. Везде, где он мог выбрать позицию, он становился перед ней весь день. Ни разу не взглянул он вверх. От этого бой становился сильнее, он сражался для себя также как и для неё. Из-за того, что он не смотрел вверх, узнать доставляло ли это удовольствие, внутри он боролся для себя, и это укрепляло его, и всё же он бился и ради неё. Но он дрался ради неё ничего не теряя для себя. Он только выигрывал от этого целый день.

В романе, написанном в первой четверти двадцатого века, Хемингуэй испытывает новые приёмы. Замечательна рекурсия повествования и приём постепенного удаления от малого к большому:

Быка, который убил Винсенте Хиронеса, звали Чёрноротый, он шёл под номером 118 на скотоводческой ферме Таверна Санчеса и был третьим быком, которого убил Педро Ромеро в тот полдень. Его ухо было отрезано под шумные крики толпы и отдано Педро Ромеро, который в свою очередь, отдал его Бретт, которая завернула его в мой носовой платок и оставила и ухо и платок вместе с несколькими окурками сигарет Муратти, задвинутыми далеко в шкафчик прикроватного столика, что стоял у её кровати в отеле Мотойя, в Памплоне.

Смешно выглядят тоненькие велосипедисты по сравнению с искусными матадорами. Разве можно поставить увеселительные велогонки наравне с опасностью и трагизмом смертельного боя со зверем? Хорошая история всегда трагична. Ещё одним нововведением является диалог переданный от третьего лица:

Я пил кофе на террасе с управляющим командой одного из больших велосипедных производителей. Он говорил это была очень приятная гонка, и была бы достойной просмотра, если бы Боттекия не сошёл с дистанции в Памплоне. Пыль была сильной, но в Испании дороги были лучше, чем во Франции. Он уверял, велосипедные гонки были единственным спортом в мире. Следил ли я когда нибудь за Tour de France? Только по газетам. Tour de France был величайшим спортивным событием в мире. Сопровождение и организация дорожных гонок позволили ему узнать Францию. Немногие знают Францию. Всю весну и всё лето и всю осень он проводил в дороге с велосипедными гонщиками. Посмотрел бы я сейчас на количество автомобилей, которые следовали за гонщиками из города в город в дорожной гонке. Это была богатая страна и всё более *sportif* с каждым годом. Это будет самая *sportif* страна в мире. Всё благодаря велогонкам. Гонкам и футболу. Он знал Францию. *La France Sportive*. Он знал дорожные гонки. Он пил коньяк. Хотя после всего этого было неплохо вернуться в Париж. Был всего один Панам. Только он один во всём мире. Париж — самый *sportif* город в мире. Знал ли я *Chope de Nègre*? Неужели нет? Мы могли бы там увидеться. Непременно. Мы выпьем ещё один *fine* вместе. Обязательно выпьем. Они стартуют без четверти шесть утра. Смогу ли я встать к отправлению? Я обязательно постараюсь. Не желал бы я, чтобы он мне позвонил? Это будет захватывающее зрелище. Я спрошу меня разбудить у стойки администратора. Ему совсем несложно мне позвонить. Я не мог позволить ему беспокоиться. Я попрошу администрацию. Мы попрощались до следующего утра.

Утром, когда я проснулся, велосипедные гонщики и их машины сопровождения были в пути уже три часа.

Кончается безумная фиеста. Разъезжаются добрые друзья и наступает недолгая передышка:

Через некоторое время Билл сказал: «Да, это была отменная фиеста».
«Да», ответил я; «мы постоянно были заняты».
«В неё не возможно поверить. Она пролетела как волшебный кошмар».
«Конечно», сказал я. «Я бы поверил во что угодно. Включая кошмары».
«В чём дело? Тебе тоскливо?»
«Чертовски тоскливо».
«Возьми ещё один абсент. Официант, сюда! Ещё один абсент для этого сеньора».
«Я чувствую себя как в аду», сказал я.
«Выпей это», ответил Билл. «Только пей медленно».

Освежающее одиночество Сан-Себастьяна со светлым песком пляжа, разноцветными кабинами раздевалок. Небольшой уютный отель с резными балкончиками, номер с видом на коричневые крыши и зеленеющие холмы вдали. Книжная полка у изголовья кровати и неспешность телеграмм. Аккуратными буквами нужно заполнить жёлтый листок бланка, прогуляться до почты, думая о получателе, и вернуться домой с чувством выполненного дела, после длинного виски в ресторанчике на углу:

Он принёс его, и я вынул свою авторучку и вывел:

ЛЕДИ ЭШЛИ ОТЕЛЬ МОНТАНА МАДРИД
ПРИБЫВАЮ ЮЖНЫМ ЭКСПРЕССОМ ЗАВТРА ЛЮБЛЮ ДЖЕЙК.

Это всё решало. Вот и всё. Отправь девушку с одним мужчиной. Представь её другому, с которым она могла бы сбежать. А теперь пойд и заведи её домой. И подпиши телеграмму с любовью. Теперь всё было правильно. Я отправился внутрь обедать.

Хемингуэй географичен. И если в первой парижской части романа бросается в глаза некоторая механичность действий и описаний, во второй, как только друзья отправляются в путешествие, виден яркий талант военного корреспондента и наблюдательность опытного путешественника Хемингуэя. Множество сочинительных союзов «и» создаёт впечатление движения и панорамности пейзажа.

Машина стояла на улице. Шофёр погрузил и привязал чемоданы на крыше автомобиля и положил их рядом с собой на переднее сидение, и мы забрались внутрь. Автомобиль выехал с площади, и по боковым улицам, и под деревьями и вниз с холма и вдали от Памплоны. Поездка оказалась совсем не длинной. У Майка была бутылка Фундадора. Я выпил всего несколько глотков. Мы пересекли горы, и удалялись из Испании, и вниз по белым дорогам, и через богатую листвой, влажную, зелёную Страну Басков, и вконец концов въехали в Байонну.

Единственный раз, в самом конце книги, Джейк и Бретт проводят время по-настоящему вдвоём. Они на свидании, их никто не отвлекает и никто не зовёт. Джейк в хорошем настроении и это заметно по его прекрасному аппетиту. Но вспомнив сложность ситуации он старается забыться в вине. Для героев романа характерна частая смена настроений. Бретт, словно прося прощения, нежно останавливает его:

«Не напивайся, Джейк», сказала она. «Не нужно».

Они едут маленькой автомобильной экскурсией сквозь Мадрид. Финал кинематографичен: жаркий город, повсюду ослепительно белые дома, окна открыты, лёгкий ветерок треплет волосы мужчины и женщины. Неспешность такси прерывается нежным толчком, и Бретт оказывается в объятиях Джейка:

«Мы с тобой были бы отличной парой».

«Да», ответил я. «Разве не прекрасно об этом думать?»

Такси едет по центральной улице всё дальше и дальше, исчезая, превращаясь в маленькую точку. Заиграет джаз и медленно поплывут титры.

7 января 2012, Юрмала